

скую кальку: *Шимозеро* (марийск. *шим* “черный” — вепс. *Must Houd* = русск. *Черная Яма*)²⁹. Ср. также выше о мерянских археологических памятниках в верховье Шексны. Тем не менее белозерский материал, пожалуй, ближе к чарондскому (см. выше), чем к топонимическим мерянизмам арела с начальным *во-* (*бо-*).

Несколько легче ответить на вопрос, когда обрусела северная мера, во всяком случае в Поважье и на Устье: в XVI—XVII вв. в Поморье наряду с четырнадцатью уездами, заонежскими и лопскими погостами особо выделялись Устьянские волости, охватывающие бассейн Устья и верхнюю Вагу, а также Чарондская округа³⁰. Создание этих административных территорий было, видимо, каким-то образом связано с существовавшими еще в то время мерянами в Устьянских волостях и чарондскими “марийцами” в Чарондской округе (см. карту 2). Вологодская мера, судя по всему, обрусела раньше.

Хотя предположение о проникновении мерян в южную часть РС подтверждается рядом лингвистических аргументов, оно требует дальнейших углубленных разысканий и не только в области топонимии. Данные одной науки, в частности языковые, при всем их значении все-таки недостаточны для доказательных этногенетических выводов. Будущее покажет, подтвердятся ли результаты лингвистического поиска археологическими материалами.

В. М. Морозов. С. Г. Пархимович

МИГРАЦИИ ДРЕВНИХ КОМИ В НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ

Взаимоотношения коми с автохтонным населением Северо-Западной Сибири (ненцами, хантами, манси) и их роль в колонизации края уже давно привлекают внимание историков. Как правило, авторы отмечают, что коми были непременными участниками русских военных экспедиций за Урал начиная с новгородских походов в “югру и самоедь”. Прежде всего организаторы этих экспедиций ценили коми как знатоков “чрезкаменных” путей, хорошо ориентирующихся на просторах Нижнего Приобья и умеющих “толмачить”. Наиболее активными в освоении нижнеобского края были коми-зыряне, которые начиная с XI—XII вв. находились в зависимости от Новгорода и Ростовского княжества, а в конце XIV в. вошли в состав Московского государства. Особенно часто в русских летописях и грамотах упоминаются жители Выми и Вычегды: “...повеле князь великий Иван Скрыбе

²⁹ Кузнецов А. В. Язык земли Вологодской. С. 82—84.

³⁰ См.: Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье XVI—XVII вв. Сыктывкар, 1979. С. 24—26.

воеводе с устюжаны и вычегжаны Югорскую землю воевати... да с ним же ходил князь Василий Вымский с вымичи и вычегжане"¹.

После похода Федора Курбского-Черного и Салтыка-Травина в 1484 г. "...князи Кодские Молдан с детьми да Пыткей да Сонта да Пынзей имали мир под владычным городом под Устьвымъ за свои земли с князьями вымскими..."² и обязались блюсти мир в отношениях с подданными великого князя московского

Эпизодическое участие в военных столкновениях с восточными соседями не мешало торговым и охотничьим экспедициям коми в Нижнее Приобье. Вычегодско-Вымская летопись свидетельствует о том, что в 1850 г. "...за службы великие государевы пожаловал князь великий Иван Васильевич пермичем промышленным и торговым людям торговати в Югре и в Мангазее и в сибирских городах безошлинно 10 лет, и таможенные им не имати николико"³. Очевидно, указ Ивана IV лишь зафиксировал де-юре право пермян (коми) заниматься тем, чем они занимались с незапамятных времен на свой страх и риск без чьего-либо позволения.

Завоевание Западной Сибири Московским государством ознаменовало начало качественно нового этапа в истории коми народа, когда целые группы коми стали переселяться на новые земли. В конце XVI — начале XVII в. коми принимали участие в строительстве первых русских городов и острогов за Уралом, несли службу, отправляли различные государственные повинности. В 1587 г. князь великий Федор "...повелел взяти в новый городок Тобольск из вычегодские и вымские пермяки в служилые казаки пятьдесят и с жоны и с детьми..." В 1588 г. им было велено "...возити на Лозву городок хлебные запасы... и жалование сибирским ратным людям" и поставить в первую сибирскую верфь на Лозьве "судоделавцов"⁴.

К середине XVII в. коми основали в Сибири и сельские поселения. Так, близ Верхотурья в 1639—1640 гг. было известно несколько деревень коми. Кроме того, коми крестьяне селились и в русских деревнях, что приводило к быстрому их обрусению. О значительных масштабах переселения коми за Урал в этот период свидетельствуют данные переписей в Вымской и Яренской волостях, откуда к 1646 г. ушло в Сибирь около 10 процентов мужского населения⁵. Всего же по подсчетам Л. Н. и И. Л. Жеребцовых с конца XVI до начала XVIII в. в Сибирь из Коми края ушло около 2—2,5 тыс. человек (из 35 тыс. жителей)⁶. Эти данные могли бы быть более внушительными, если дополнить их сведениями о переселенцах из Перми Великой (коми-пермяках).

Практически все коми-зыряне и коми-пермяки, переселившиеся в Сибирь за период с конца XVI по середину XIX в., смешались преимущественно

¹ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1988. С. 177.

² Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники пармы. Сыктывкар, 1989. С. 25.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же.

⁵ См.: Фролова Н. В. Освоение коми районов Восточного Зауралья // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 93.

⁶ См.: Жеребцов И. Л., Жеребцов Л. Н. На восток, в просторы "Сибирской украины" // Родники пармы. Сыктывкар, 1989. С. 50.

но с русским населением и были ассимилированы. Середина XIX в. отмечена новой волной коми переселений в Западную Сибирь: коми-ижемцы на Малой Оби и Ляпине, притоке Северной Сосьвы (с 1842 г.), и коми-зыряне на юге Тюменской и Омской областей (со второй половины XIX в.)

Яркая и образная характеристика коми-ижемцев, обитавших в Березовском крае к началу XX в., данная А. А. Дуниным-Горкавичем, позволяет понять специфику их национального характера и роль в экономической и культурной жизни данного региона. «"Народ-эксперт"... выражаются в Обдорске о зырянах, характеризуя их пронырливостью. Народ этот крепкий, трудолюбивый и выносливый. Между ними часто попадаются мастера ремесленники»⁷. По его мнению, «...главным колонизационным элементом Надыма являются зыряне. Благодаря своей предприимчивости и трудолюбию они постепенно, шаг за шагом заселяют пустынный север»⁸.

В целом проблема коми диаспоры в Западной Сибири изучена мало. Инфилтрационное проникновение коми в Сибирь, происходившее в течение нескольких столетий, неизменно приводило к ассимиляции переселенцев: в городах — со стороны русского населения, в сельской местности — со стороны преобладающего автохтонного населения. В связи с этим особый интерес для исследователей представляют сохранившиеся локальные группы поздних коми переселенцев. Исследователи отмечают, что эти группы коми переселенцев характеризуются компактным проживанием в иноэтническом окружении, сохранением традиционной хозяйственной специализации, родного языка и этнического самосознания, что позволяет им до сих пор в значительной степени сохранять этнический облик⁹. По мнению Н. Д. Конакова, в ходе этнокультурных контактов коми-ижемцев на Колыском полуострове и на Обском Севере у них выработались «стойкие этнические стереотипы». Одним из важнейших стереотипов являлась межэтническая коммуникабельность, подкрепленная знанием языков соседей. Наличие этого стереотипа позволяло коми переселенцам мирно внедряться на иноэтническую территорию и избегать длительного стойкого антагонизма со стороны аборигенов.

Эта особенность национального характера коми позволяет моделировать вероятные пути разрешения конфликтов в конкретных ситуациях и ретроспективно. «Этнодифференцирующим барьером, препятствовавшим растворению переселенцев в иноэтнической среде», являлись в данных случаях различия в хозяйственно-культурной ориентации мигрантов и аборигенов¹⁰. Нельзя обойти вниманием и духовный фактор: различие в верованиях крайне затрудняло смешение контактировавших групп (коми — христиане; ненцы, манси и ханты — фактически язычники). Таким образом, отсутствие или ликвидация указанных сдерживающих барьеров неизменно влекли за собой смешение пришлых групп с местным населением и растворение культуры переселенцев в аборигенной этнической среде.

⁷ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 2. Тобольск, 1910. С. 344.

⁸ Там же.

⁹ См., например: Зенько А. П. Ялutorовская группа коми и ее взаимодействие с окружающим тюркоязычным населением. Омск, 1992. С. 54—57; Конаков Н. Д. Этнокультурные стереотипы освоения новой территории у коми // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 129—132.

¹⁰ См.: Конаков Н. Д. Указ. кн. С. 129—132.

Обращаясь непосредственно к теме данной статьи, отметим, что проблема взаимоотношений пермских народов с их восточными соседями и их участие в освоении Сибири, по мнению историков, этнографов и лингвистов, весьма многогранна, “далека от решения и ждет своих исследователей”. Особенно слабо изучены ранние периоды (до XVI в.), что объясняется нехваткой фактического материала. До недавнего времени исследователи касались данной темы попутно, отмечая, как правило, несомненность существования тесных контактов между древними коми (пермянами) и предками современных хантов, манси и ненцев. Отдельные факторы, указывающие на наличие таких контактов, отмечены в лингвистике, топонимике, фольклоре, этнографии, археологии.

В частности, венгерский лингвист К. Редей, выявивший в лексиконе ханты и манси более 350 заимствований из коми языка, выделил древнейший слой, который датировал X—XV вв.¹¹ По мнению Л. Н. Жеребцова, эти заимствования появились благодаря тому, что в данный период “летописные вогулы обитали в бассейнах Печоры и Верхней Вычегды”¹².

Необходимо отметить, что гипотеза о предуральской прародине предков манси поддерживается далеко не всеми исследователями. Кроме того, позиция В. Н. Жеребцова недостаточно убедительна, т. к. летописные вогулы представляли собой лишь часть обско-угорского населения. Представить себе, что они передали заимствованную лексику остальной части обских угров после своего появления на восточных склонах Урала, очень затруднительно, если учесть обширность территории расселения остяков и вогулов, зафиксированную русскими письменными источниками XV — начала XVII в. и слабые экономические и культурные связи между отдельными их группами. Следует иметь в виду и тот факт, что начиная с XVI в., когда вогулы переселились в Зауралье (по схеме, принятой Л. Н. Жеребцовым), вымские пермяне говорили уже на новом, так называемом вз-эловом диалекте, который зафиксирован в следующем слое заимствований из языка коми¹³. Вообще же проблема коми заимствований в языках хантов и манси нуждается в дальнейшем изучении и требует дифференцированного подхода и использования данных смежных наук: сысоличы (бассейн Сысолы) до сих пор говорят на архаичном эловом диалекте, являющемся фонетическим маркером древнейшего пласта заимствований. Тем не менее нет оснований отрицать сам факт лексических заимствований обских угров у коми, так же как и существование тесных контактов между ними, начавшихся, по крайней мере, не позднее XI в.

Немецкий лингвист В. Штейниц отметил наличие в северном Приобье ряда топонимов коми происхождения с формантами *-кар*, *-ва*, *-дин*, объяснив их появление на Оби деятельностью коми проводников во время продвижения русских отрядов в Западную Сибирь (XV—XVII вв.)¹⁴. Впоследствии факт наличия коми топонимов в Нижнем Приобье неоднократно отмечался исследователями, единодушно относившими время их появления на этой территории к XVI—XIX вв. Е. И. Овчинникова, выявившая около

¹¹ См.: Жеребцов Л. Н. Указ. соч. С. 176.

¹² Там же. С. 176.

¹³ См.: Там же. С. 177.

¹⁴ См.: Штейниц В. Из топонимии Северного Приобья: Географические названия // Вопросы географии. 1962. № 58. С. 109—111.

60 топонимов с формантами *-вож*, *-ель*, *-горт*, *-кар*, *-мыльк*, *-ва*, *-ты*, отметила, что они не составляют единого плотного ареала, а вкраплены в топонимику аборигенного населения. Появление пермских топонимов на территории Западной Сибири она объяснила тем, что коми проникли туда раньше русских. По мнению А. С. Кривошековой-Гантман, ойконимы на *-кар*, *-горт* являются фактами языка коми насельников, т. е. названия поселений были даны их основателями¹⁵. В этом отношении следует отметить высказывание А. П. Дульзона о том, что “сохранения старых названий на территории возможно только при условии, что старое население... остается на этой территории, обеспечивая тем самым преемственность в передаче топонимики, хотя само население и претерпело полную этнографическую трансформацию”¹⁶. В связи с этим особый интерес представляет мнение археолога В. А. Оборина, считавшего, что появление коми названий к востоку от Урала может быть связано с проникновением пермского населения из Приуралья в Западную Сибирь в конце I — начале II тыс. н. э. По его мнению, на это указывает обилие вещей, типичных для прикамских и вычегодских пермян, обнаруженных на средневековых памятниках Среднего Зауралья и Нижнего Приобья¹⁷. Правда, остается неясным, что конкретно имелось в виду под проникновением: переселение отдельных древних пермян за Урал либо эпизодические экспедиции коми купцов и артелей охотников за пушниной.

На наш взгляд, ойконимы с формантами *-кар* появились на данной территории ранее XVI в., на что косвенно указывает иной вид номинации коми поселений XVI — начала XX в. в Западной Сибири и на Алтае: практически все они назывались по фамилии или по прозвищу основателей (*Гилева*, *Колегова*, *Тарабукина* и пр.) или по их этнотерриториальной принадлежности (*Зырянка*, *Пермитина*, *Вилижаны*, *Вычегоджанина*). Во всех поздних коми топонимах к востоку от Урала отсутствует формант *-кар*. Названия с формантом *-кар* (“город”) относятся к общепермской топообразующей модели. Средневековые (XI—XIV вв.) городища чепецкой, родановской и вымской археологической культур, принадлежавшие соответственно предкам удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян, сохранили названия типа *Иднакар*, *Анюшкар*, *Шудьякар* и т. д. Неясно время появления в Нижнем Приобье названий с формантом *-горт*, т. к. они употреблялись коми-ижемцами и в XIX в. (д. *Васька-горт* на Оби).

Фольклорная традиция коми-зырян, кроме того, связывает с городищами и могильниками вымской культуры легендарную чудь. В представлениях коми чудь — языческий народ, который, сопротивляясь христианизации, погребал себя в ямах, убегал на север или “за Урал к осякам”¹⁸. На наш взгляд, есть основания идентифицировать чудь коми-зырянского фольклора с древними пермьями.

¹⁵ См.: Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ ойконимов на *-кар*: (На материале Верхнего Прикамья) // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1976. С. 26.

¹⁶ Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Ученые зап. ТГПИ. Т. 4. Томск, 1950. С. 185.

¹⁷ См.: Оборин В. А. Географические названия на *-кар*, *-горт*, *-ыб* древних памятников: (Ретроспективный анализ) // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1976. С. 26.

¹⁸ См.: Рочев Ю. Г. Национальная специфика коми преданий о чудь // Научные доклады: Серия препринтов. Вып. 124. Сыктывкар, 1985. С. 10.

Во-первых, в некоторых преданиях говорится, что коми понимали язык чуди и походили на них внешне. Во-вторых, жителей некоторых коми поселений до сих пор прозывают чудью, а на средневековые могильники еще недавно ходили старые женщины поминать предков¹⁹. И наконец, вымские предания о крещении чуди Стефаном Пермским перекликаются с преданием печорских коми о крестителе Федоре Тироне, где язычники прямо называются коми. Последнее предание представляет для нас особую ценность в связи с тем, что в нем говорится о бегстве язычников-коми за Урал, где они перемешались с остяками и забыли свой язык, потому что "...так... всегда бывает, когда один народ в окружении другого проживает, а этот другой народ более многочисленный, и свой язык у них исчезает, забывается..."²⁰. Это предание находит подтверждение в Вычегодско-Вымской летописи, "Житии святого Стефана, епископа Пермского", где содержится рассказ о переселении непокорных язычников во главе с вождем Памом (Паном)-сотником с р. Выми на север и на Обь, "туда, где ныне стоят Атлымские юрты"²¹. Борьба Памы (в переводе с коми означает "жрец") со Стефаном, согласно летописи, продолжалась с 1380 г. по 1384 г. Интересно, что в 1392 г. Пам навещил родные места: "Лета 6900 пришедшу на владычней город на Усть-Вым погаными вогулича, и с ними Пан-сотник окаянной. Стояли вогуличи станом на Юруме на месте зовемый Асыкояг неделю, к городку не приступали, а погосты около тех мест разорили... сели в лады и утекли вверх Вычегдою-рекою"²². Приведенный в тексте топоним Асыкояг (Сосновый бор Асыки), вероятно, более позднего происхождения, так как вогульский князь Асыка известен как руководитель набега на пермские земли в 1465 г. Возможно, хронологическое несоответствие произошло в результате контаминации представлений о разных походах манси в Северное Приуралье, хотя не исключено, что мансийские отряды, следовавшие по Вычегде, облюбовали упомянутое место в качестве традиционной стоянки.

Факт переселения на Обь коми язычников подтверждается преданием большеатлымских хантов, записанным Н. А. Абрамовым в середине XIX в. Ханты сообщили, что их предки "...в числе нескольких семейств пришли сюда из Перми с шаманом Памом-сотником"²³.

Таким образом, фольклорные и летописные источники свидетельствуют о переселении коми в Нижнее Приобье еще до XV в. В связи с этим можно предположить, что именно с группами древних коми связано появление в Нижнем Приобье городищ-"каров". Топонимы с формантом *-кар* локализуются преимущественно на участке Оби между Салехардом и Ханты-Мансийском, от пос. *Войкар* на севере до пос. *Карымкары* на юге. Кроме того, на Северной Сосьве известны ойконимы *Люликар* (*Хюликар*) и *Искар*. Всего выявлено 19 таких топонимов (кроме упомянутых выше — *Шурышкары*, *Шеркалы* (*Шоркар*), *Сускар*, *Нарыкары*, *Войкар*, *Уркар* и др. Часть из них — "мертвые" и известны благодаря письменным источникам,

¹⁹ См.: Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984. С. 33—34.

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ Вычегодско-Вымская... С. 25.

²² Там же.

²³ Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Тобольские губернские ведомости. Отд. 2, к. 20. С. 381.

наиболее полным из которых является Книга Большому Чертежу. Как известно, ее данные восходят к источникам XVI в. Многие топонимы с формантом *-кар* соотносятся с конкретными городищами Нижней Оби позднего средневековья.

Уточнение датировки нижеобских городищ-каров и выявление этнокультурной принадлежности их жителей стали возможными после проведения целенаправленных археологических исследований.

В конце 70-х — начале 80-х гг. авторами были произведены раскопки трех городищ в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО): Перегребное, Шеркалы 1/1 и 1/2. Результаты раскопок частично были опубликованы²⁴. В последующие годы авторам пришлось ограничиться лишь поисковыми работами и сопоставлением полученных материалов с данными смежных наук. Результаты сравнительного анализа материалов, полученных при раскопках данных городищ, и реконструкция некоторых сторон жизнедеятельности их жителей позволили идентифицировать средневековые комплексы с культурой древних коми. Материалы из этих комплексов находят аналогии в вымской и родановской культурах Приуралья и датируются XII—XIII вв.

Топография данных памятников, как и большинства других нижеобских городищ-каров, стандартна: они расположены на высоком берегу Оби, в местах впадения в нее небольших рек и ручьев. В ряде случаев в месте впадения рек образуются мысы. Естественные крутые склоны защищают городища с трех сторон. Оригинальна топография городища Карымкары: оно представляет собой высокий (до 16 м) холм-останец коренного берега, расположенный посреди небольшого сора в 400 м выше по течению от устья р. Карымкарки. Со стороны Оби городище было частично прикрыто выступом ее правого коренного берега. Городища Шеркалы 1/1—1/3 представляют собой 3 холма, вытянутых в линию вдоль Оби и разделенных широкими логами. Площадки городищ по краям укреплялись (Шеркалы 1/1).

Остатки построек выявлены на всех 3 городищах, но наиболее полная информация получена с городищ Перегребное 1 и Шеркалы 1/2, где раскопки велись на достаточно больших площадях: соответственно 206 и 162 м². В связи с тем, что площадки городищ полностью не сохранились (строительные работы на Перегребном 1 и естественное оползание краев площадок Шеркалинских городищ), постройки исследованы частично. Все они были наземные срубные. Нижние венцы сруба обнаружены на городищах Шеркалы 1/1 и 1/2. Размеры построек в плане были не менее 4×5 (5×6) м. При этом внутреннее пространство их фиксировалось по хорошо сохранившимся остаткам досок пола и нижних венцов сруба (Шеркалы). Пол настился на специальные жерди — лаги. Постройки располагались очень близко друг к другу. Как отмечал в своих записках И. И. Лепехин, “дворы у них так построены, что не можно свободно проветривать воздух; они окружены отовсюду стеною и покрыты кровлею”²⁵. На Перегребном 1 зафик-

²⁴ См.: например: Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное 1: К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 89—99; Пархимович С. Г. О контактах населения Нижнего Приобья и северного Приуралья в начале II тыс. н. э. // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. С. 145—153.

²⁵ Лепехин И. И. Дневные заметки путешествия. Спб., 1805. Ч. 3. С. 259.

сированы остатки четырех срубных построек, три из которых стояли в линию, примыкая друг к другу вплотную. В каждой из построек находились остатки печей-каменок. Четвертое жилище было отделено от остальных двором, замощенным деревянным настилом шириной до 2,1 м и длиной до 7,5 м.

Рядом с печами — 3 хозяйственные ямы-погребка округлой, овальной и подпрямоугольной в плане форм (размеры: 1×1,5—3×3 м, глубина 0,5—0,7 м.) С внешней стороны жилища находилась, видимо, большая яма. Конструкция печей-каменок довольно сложная: они представляли собой высокую (до 45 см) песчаную платформу (подушку) подпрямоугольной формы размерами 1,2—1,5×2—2,7 м. Поверхность платформ была сплошь вымощена крупной галькой, на которой лежала развалившаяся часть печи в виде крупных плоских плиток камня. Платформы, видимо, представляют собой засыпку срубных опечков, поэтому они хорошо сохранили форму.

На городище Шеркалы 1/2 выявлены остатки 4 жилищ, стоявших парно в две линии. Между этими парами жилищ, стоявших вплотную друг к другу, находился широкий (около 6 м) двор с хозяйственной постройкой (вероятнее всего — хлевом, т. к. здесь не был зафиксирован деревянный пол, а камни от печей и другие находки встречены единично). Хлев оконтурили частоколом из небольших кольев, вплотную примыкавших к стенам двух жилищ. Подобная ситуация отмечена на верхнекамском городище Шудьякар, где, по мнению В. А. Кананина, частокол подпирал бревна невысокого сруба²⁶. В северо-западной части частокол разомкнут на ширину 1,8 м. Здесь, видимо, были небольшие воротца. Крыша хлева лежала на балках, закрепленных на мощных столбах. В отличие от городища Перегребное 1, в Шеркалах отмечены фрагменты берестяных покрытий кровли. Конструкция и размеры печей-каменок здесь были идентичны перегребненским. Яма-кладовка встречена лишь в северной части раскопа.

Подобные раскопки жилища в Нижнем Приобье до сих пор не встречались. Почти идентичные остатки жилищ известны на поселениях родановской, вымской и чепецкой археологических культур в Верхнем Прикамье и Северном Приуралье. Причем сходство в деталях конструкции и размерах печей-каменок и ям-кладовых поразительное. Наиболее распространенным типом жилищ этих культур были наземные срубные постройки площадью 30—40 м². Деревянный пол встречен на памятниках чепецкой и вымской культур, а также в древнерусских жилищах новгородско-псковских земель XI—XIII вв., где также широко были распространены печки-каменки. По своему устройству эти жилища напоминают традиционные коми-зырянские охотничьи избушки “вөр керка”²⁷, имевшие несколько меньшие размеры. В них не использовались гвозди, сруб ставился прямо на землю, крыша была односкатная либо двускатная с небольшим уклоном. Пол и потолок в таких избушках делались из плах. Крыша покрывалась слоем бересты. Внутри находилась черная печь (“сьод пач”), устроенная в виде невысокого (2—3 венца) сруба, засыпанного землей, а сверху сооружалась каменка со стенами и сводом из плоских крупных камней. Размеры таких печей в плане не превышали 1,4×1,4 м.

²⁶ См.: Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. С. 18.

²⁷ См.: Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX—XX в. М., 1983. С. 36—38.

Городище Перегребное 1 функционировало, вероятно, в течение нескольких лет (мощность слоя 10—12 см). Затем внезапно оно было покинуто обитателями, на что указывают обнаруженные в жилищах спрятанные у печей-каменок подвески, серебряные перстни, большое количество железных наконечников стрел и ножей. Вскоре после того как городище прекратило существование, на нем было сделано несколько захоронений. В северо-восточной части раскопа, рядом со стенками одного из жилищ вскрыты 3 могильные ямы овальной и подпрямоугольной форм глубиной 15—20 см (2—2,4×0,9—1,4 м). Погребения совершены по обряду трупосожжения с полной кремацией на стороне: в засыпи ям обнаружены мелкие кальцинированные кости, человеческий зуб, угольки, несколько бусин, аналогичных другим, найденным в жилищах. Вероятно, с поминальными тризнами связана и часть остеологического материала. Аналогичные погребения известны по материалам раскопок вымских и, в меньшей степени, северных родановских могильников²⁸. Для вымских могильников подобный обряд является преобладающим.

Более долговременным было городище Шеркалы 1/2. Отсутствие следов перестройки и довольно мощный верхний культурный слой (до 60 см), обильно насыщенный вещевым материалом, дают возможность предположить, что оно существовало несколько десятков лет. Поселение погребло от пожара: об этом свидетельствуют обугленные доски пола и рухнувшая кровля. Почти сразу после гибели городища оно стало почитаться как культовое место: на слое пожара в восточной части раскопа зафиксировано большое скопление черепов и костей скелетов жертвенных животных (медведь, лось, северный олень, лошадь). Возможно, именно здесь была “кумирня”, посвященная Орт-ики (Мир-ванты-ху), о которой писал в начале XVIII в. Г. Новицкий — участник миссионерского похода на язычников, возглавлявшегося Филофеем Лещинским²⁹. Во всяком случае, в конце XIX в. городище еще почиталось хантами как одно из главных священных мест Нижнего Приобья³⁰.

Важную роль для определения этнической принадлежности жителей данных городищ, помимо домостроительных традиций и погребальной обрядности, играет вещевой материал, в первую очередь — керамические комплексы.

Всего на городищах Шеркалы 1/1, 1/2 и Перегребное 1 найдено около 100 керамических сосудов. Из них 11 — на городище Перегребное 1 и 83 — на городище Шеркалы 1/2. Общие черты, характерные для керамики этих городищ: темно-серый и черный цвет поверхности, уплощенное и плоское дно, резко отогнутый венчик, ornamentация крупной короткой гребенкой, “елочные” узоры. В то же время орнамент шеркалинской керамики более нарядный и разнообразный, на ней часто встречаются оттиски розеточных штампов, наклепные валики и “пуговики” (рис. 1.3). В глиняном тесте шеркалинской посуды, кроме примеси песка, шамота и дресвы, характерных для

²⁸ См., например: *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Средневековые памятники. С. 39—40; *Савельева Э. А.* Вымские могильники XI—XIV вв. Ленинград, 1987. С. 14—20.

²⁹ См.: *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком. Новосибирск, 1941.

³⁰ См.: *Поляков И. С.* По Оби. Спб., 1865.

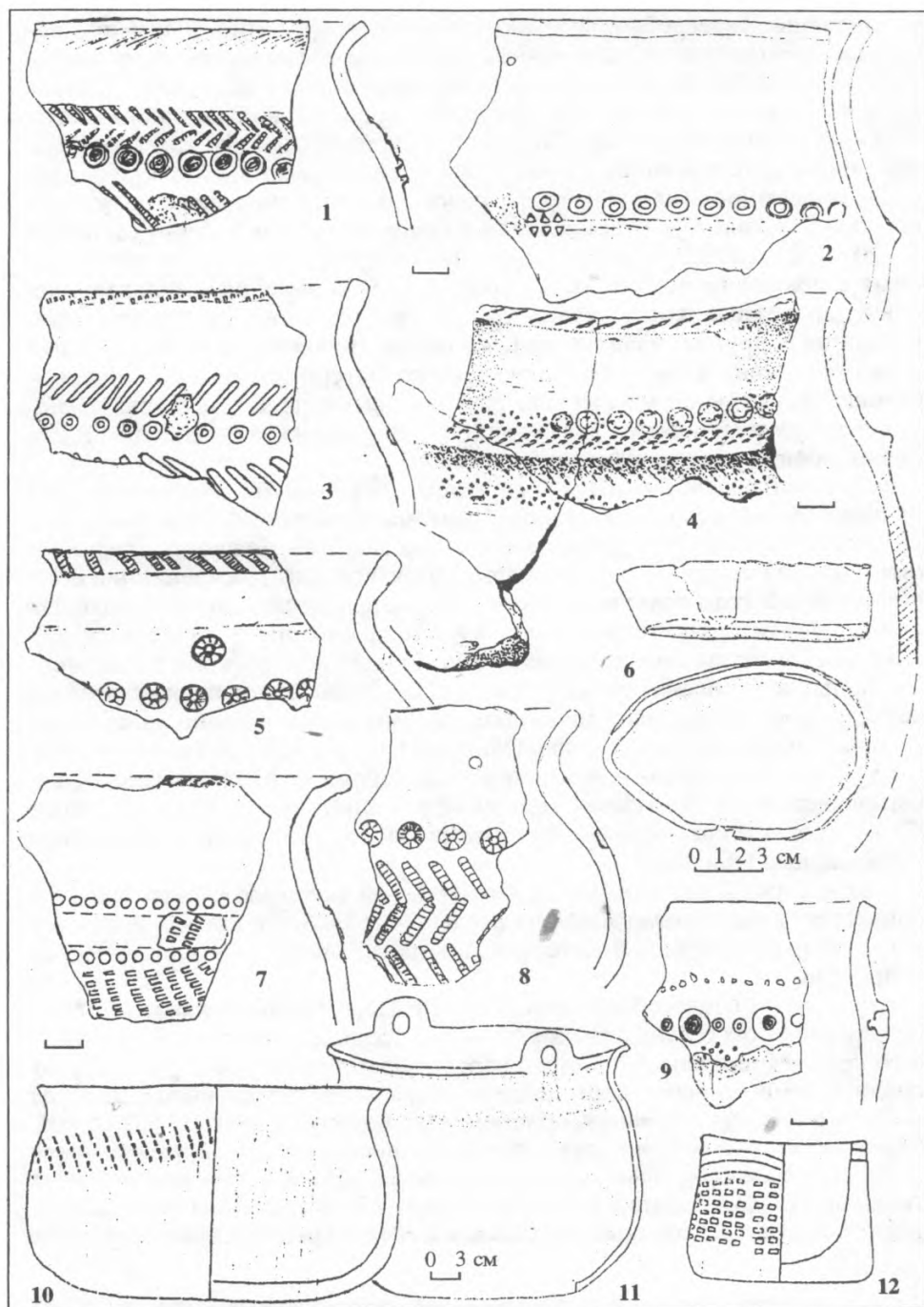

Рис 1. Керамика: 1—9, 11 — гор. Шеркалы 1/2; 10, 12 — мог. Сайгатинский IV

перегребненской керамики, встречена толченая раковина (3 горшка). Аналогичная посуда типична для вымских и северных родановских памятников XII—XIV вв.³¹

На городище Шеркалы 1/2, кроме того, найдены 4 ручки от небольших сосудов с рельефными выступами сверху, украшенные гребенчатым елочным узором (рис. 2.6), а также развал большого горшка оригинальной формы — на венчике имеются два выступающих вверх ушка с отверстиями, а горловина опоясана глубокой канавкой (рис. 1.11). Аналогичная посуда характерна для культуры волжских булгар домонгольского периода (X—начало XIII в.)³². Горшок с ушками отличается от остальной посуды качественным обжигом и ярким красноватым цветом. Не исключено, что он является привозным. Булгарская импортная керамика красного цвета подобных форм и ручки с елочным орнаментом довольно часто встречаются на родановских памятниках, реже — на вымских³³. В западной Сибири ручки с елочным гребенчатым орнаментом найдены в низовьях Иртыша на городище Рачево 1 (металлургическая площадка), датированном XII в.

Четыре керамических светильника-жировика с толстым слоем нагара и носиками для слива (рис. 1.6 и рис. 3.2), найденные на городище Шеркалы 1/2, имеют аналогии лишь в булгарских древностях³⁴. Фрагмент такого светильника найден на родановском городище³⁵.

На городищах найдено 157 стеклянных бусин, одна янтарная призматическая и одна сердоликовая 23-гранная. Бусы находят аналогии на древнерусских и булгарских памятниках XI—XIII вв., а также в материалах вымской и родановской культур. К этому же времени относятся и бронзовые шумящие подвески специфических вымско-родановских форм: подвеска-птичка, биякорьковые подвески, грушевидные бубенчики (рис. 2.7).

Уникальной находкой является оригинальный бронзовый пояс (сохранилось 11 звеньев), украшенный рельефными валиками и косицеобразным узором (рис. 2.3). Единственный похожий пояс найден на вымском могильнике XI—XII вв. Шойнаты П³⁶.

Несомненную ценность для определения этнической принадлежности городищ представляют костяные (бивень мамонта и рог) изделия, украшенные разными узорами. Две ложечки с городища Перегребное 1 сохранились почти полностью³⁷, в Шеркалах же найден фрагмент нижней части

³¹ См.: *Белавин А. М.* Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1985. Рис. 6—15, 19, 24. С. 139—140; *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская. М., 1971. Таб. 3—4; 5—2—4; 7—5; 9—1; 23—19—21; 24—6; 26—2. С. 48—50, С. 101—102.

³² См.: *Смирнов А. П.* Новые археологические данные о сложении культуры волжских булгар. КСИИМК. М., 1951. Вып. 11. С. 23—25.

³³ См.: *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв. М., 1951. С55—56.

³⁴ См., например: Декоративно-прикладное искусство народов Коми. М., 1980 С. 144; *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Булгарии. М., 1984 С. 94—95 (рис. 72—11).

³⁵ См.: *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье... С. 56.

³⁶ См.: *Королев К. С.* Предки коми на Средней Вычегде // Из жизни древних коми. Сыктывкар, 1985. Рис. XI—13. С. 119.

³⁷ См.: *Морозов В. М., Пархимович С. Г.* Городище Перегребное. С. 9. Рис. 3.8, 9.

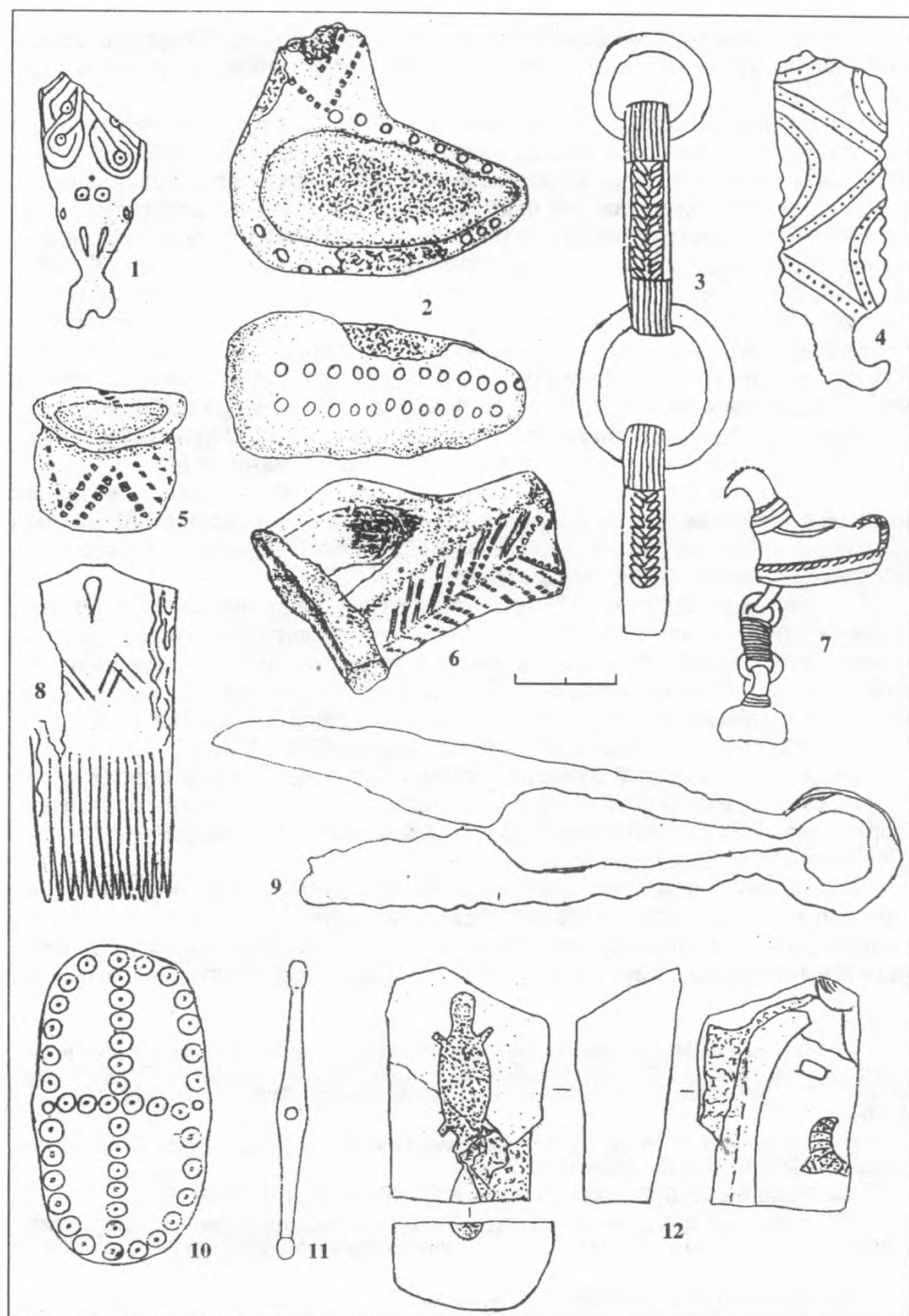

Рис. 2. Вещевой комплекс гор. Шеркалы 1/2:
1, 4, 8, 10, 11 — кость; 2, 5, 6 — глина; 3, 7, 9 — металл; 12 — камень

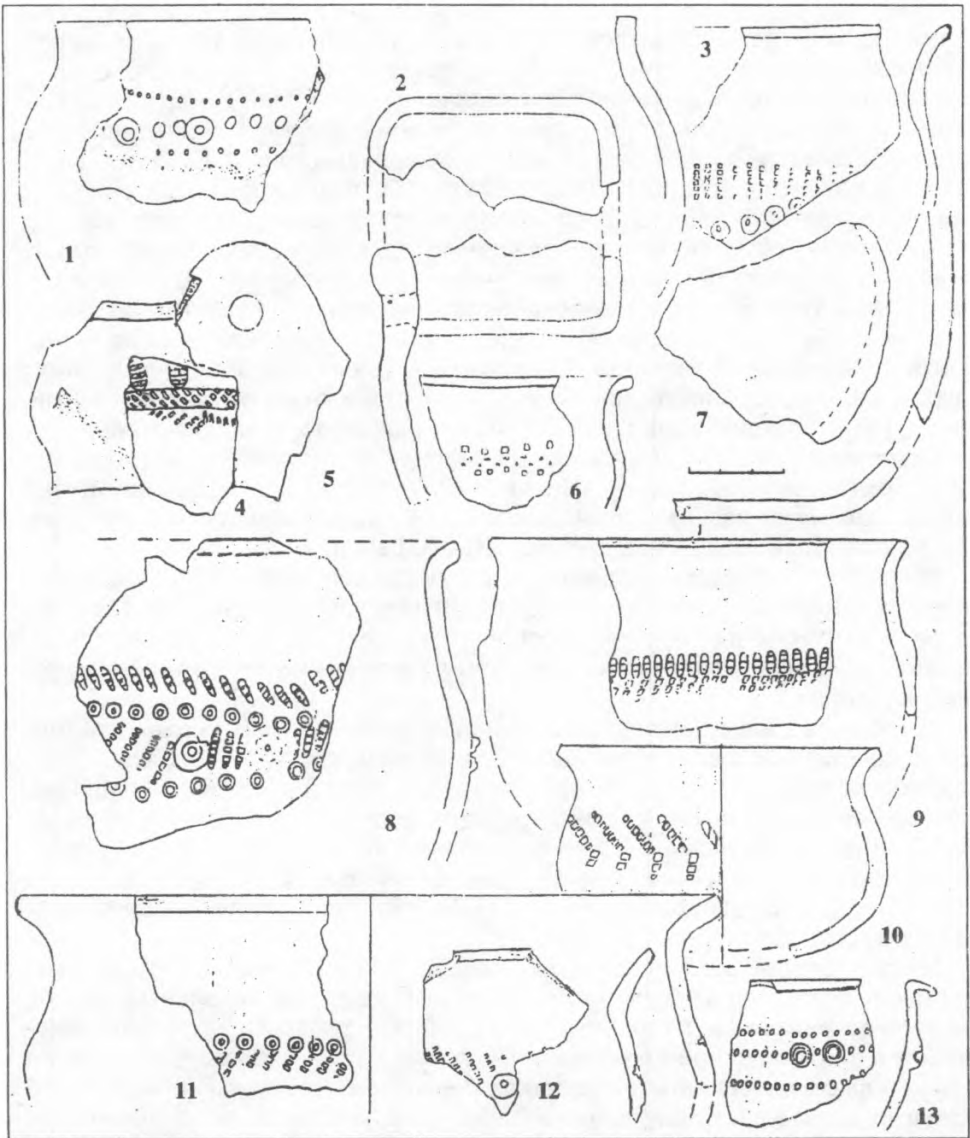

Рис. 3. Керамика гор. Шеркалы 1/2

ручки с краем лопасти. По форме и орнаменту эти изделия аналогичны родановским, имевшим, по мнению исследователей, культовое назначение³⁸. Наибольший интерес вызывает шеркалинский экземпляр с оригинальным симметрично-петлеобразным узором на нижней широкой части черенка, дополненным глубокими циркульными кружочками (рис. 2.1). В месте перехода к лопасти с помощью рельефной резьбы и гравированных углублений очень выразительно передана стилизация морды медведя (вид сверху): циркульными углублениями изображены глаза, ноздри, уши. Уши и ноздри выделены на узких боковых гранях, морда сужена впереди. Аналогичные по стилю и технике стилизованные морды медведя (?) известны на родановских ложечках³⁹. Еще один фрагмент ручки (ложечки?) из бивня мамонта, найденный на городище Шеркалы 1/2, имеет оригинальную форму: сохранившийся верхний торец имеет форму стилизованной двуглавой птицы (?), узкие боковые грани черенка имеют рельефно-волнистую форму — по 7 выступов (рис. 2.4). Лицевая сторона изделия украшена гравированными дугами из двойных линий, заполненными точечным продольным пунктиром. Аналогии изделию неизвестны, но сходные узоры встречаются на верхнекамских копоушках и гребнях VII—XII вв. н. э.⁴⁰

Интересен плетеный орнамент на костяном игольнике с городища Перегребное 1, сочетающийся со сверленными циркульными узорами. Плетенка не характерна для финно-угорской средневековой орнаментики. Ближайшие аналогии известны по изделиям Северно-Западной Руси и Волжской Булгарии⁴¹.

Имеем мы дело с подражанием орнаментам импортных украшений или среди жителей вымского городища был иноземец-косторез — неясно. Подражание не исключено, т. к. среди перегребненских импортных украшений есть два серебряных щитковых перстня и фрагмент серебряного очелья, украшенные черненными плетеными узорами. Место изготовления серебряных изделий с подобным орнаментом, по мнению В. Ф. Генинга и Э. А. Савельевой, — Новгород или Рязань. Н. В. Федорова считает их продукцией болгарских ювелиров XIII—XIV вв.⁴²

На городище Перегребное 1 был найден “клад”, в составе которого находились бракованная бронзовая подвеска-глухарь, 10 сверленных резцов лоса, 62 астрагала⁴³ и 2 таранные кости бобра. Несколько астрагалов имеются и в шеркалинской коллекции. Сверленные астрагалы бобра — частая находка на средневековых памятниках Верхнего Прикамья. Считается, что астрагалы были распространены в финно-угорской среде, но на Восточном

³⁸ См.: *Белавин А. М.* Городищенское городище. Рис. 5—8. С. 137; *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье. Рис. 32—1. С. 64.

³⁹ См.: *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье. Рис. 32—1.

⁴⁰ См.: *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Прикамья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1970. Приложение. Табл. 37-19.

⁴¹ См.: *Киричников А. Н.* Историко-археологические открытия древней Карелии (“Карельский город” XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 63—69.

⁴² См.: *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М., 1971 (табл. 31—18, 19); *Федорова Н. В.* Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X—XIII вв.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. 1984. С. 16, 22.

⁴³ *Морозов В. М., Пархимович С. Г.* Городище Перегребное... С. 95. Рис. 3.1, 2.

Урале и в Северо-Западной Сибири они до сих пор не известны. Исследователи полагают, что сверленные астрагалы бобра были амулетами⁴⁴. Возможна и иная трактовка подобных находок. Мы исходим из того, что скопление амулетов в таком количестве маловероятно, тем более в комплекте с разбитой бракованной бронзовой подвеской, которая была ценна лишь как сырье для нового изделия. Нахождение вещей профанного уровня в одной упаковке (мешочек или берестяная коробочка?) с культовыми предметами для “правоверного” язычника должно быть неприемлемо. В то же время ценность изделий для их владельца несомненна. Использование их как игрушек, пожалуй, исключается, т. к. на европейских могильниках они фиксируются в погребениях взрослых. В качестве костей для азартных игр они, судя по форме и отсутствию на них каких-либо знаков, не подходят. Отверстия, просверленные в маленьких боковых выступах, могли служить только для подвешивания или нанизывания астрагалов на шнур (узкий кожаный ремешок?).

На наш взгляд, эти астрагалы могли служить в качестве товаро-денег. Ранние формы денег в виде раковин-каури, денег-украшений, меховых денег были широко распространены у многих народов в домонетный период, в том числе и в Древней Руси XII—XIV вв. Они использовались в повседневной жизни в качестве всеобщего эквивалента. У первых денег-монет обязательно были отверстия для нанизывания на веревку, т. к. расплачивались связками⁴⁵. В древнерусской домонетной системе торговли наряду с шиферными пряслицами, некоторыми видами женских украшений и кунами (шкурки куницы) существовали и ногаты — лапки пушных зверей⁴⁶. Причем в форме товаро-денег шкурки и лапки зверьков выступали как символы определенной меры ценностей. Возможно, астрагалы бобра и были “ногатами финноязычного населения лесной зоны Восточной Европы. В качестве таковых они вполне могли функционировать и в Нижнем Приобье. Эта версия подкрепляется точной бронзовой копией астрагала бобра, найденной в одном из погребений могильника Сайгатинского III, датирующегося началом II тыс. н. э.

Еще одна находка, свидетельствующая о том, что городища населяли древние коми, — пяточная часть косооплетенного берестяного лаптя (Шеркалы 1/2). Подобные лапти были в обиходе коми-зырян вплоть до XX в. На городище Шеркалы 1/2 найдены 2 обрезка хорошо выделанной кожи крупного животного, это косвенно указывает на бытование кожаной обуви у жителей поселения.

Остеологический материал, полученный при раскопках городищ и определенным сотрудником ИЭ УрО РАН П. А. Косинцевым, свидетельствует о хозяйственной специализации их населения: охота на лося, северного оленя, медведя, зайца; добыча пушнины (бобр, куница, соболь, горноста́й, росомаха и т. д.); скотоводство (лошади, крупный и мелкий рогатый скот). На Шеркалинских городищах найдены два экземпляра пружинных ножиц

⁴⁴ См., например: *Талицкий В. М.* Верхнее Прикамье. С. 64; *Фехнер М. В.* Глиняные лапы из Тимеревского, курганного могильника. СА. 1967. № 3. С. 306.

⁴⁵ См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты — свидетели прошлого. М., 1982. С. 279.

⁴⁶ См.: *Древняя Русь. Город, замок, село.* М., 1985. С. 365—366.

для стрижки овец, аналогичных вымским XII—XIV вв.⁴⁷ Рыболовство “документируется” обилием рыбных костей и крупными железными крючками от снасти типа самолова.

Жителям городищ было известно транспортное оленеводство: в Перегребном и Шеркалах найдены костяные детали оленьей упряжи. Возможно, они использовали и собачьи упряжки: на городищах встречены костяные вертлюжки, которые могли быть и деталями токарного или ткацкого станка. Тем более что на городище Шеркалы 1/2 найдено коромыслище от ткацкого станка, аналогичное которому известно в Верхнем Прикамье (Роданово городище)⁴⁸. Кроме того, на трех костяных изделиях с Перегребного 1 отмечена токарная обработка.

Одними из основных занятий на городищах были выплавка железа (находки криц, железных шлаков), кузнечное производство и литье бронзовых украшений. Всего на этих памятниках обнаружено около 100 ножей, 58 наконечников стрел, 23 тигля, 23 льячки (рис. 2.2), 63 украшения из меди и бронзы, а также две медные чашечки-разновесы и пинцет. Это позволяет считать данные памятники торгово-ремесленными центрами древних коми. Интересно, что на одной из литейных формочек имеется небольшой резной значок в виде прямоугольника с 2 короткими отростками на противолежащих углах (рис. 2.12). Этот знак почти идентичен одному из вариантов нимпаса (фамильного знака), известного в этнографии коми-зырян⁴⁹.

Кроме перегребненского и шеркалинского городищ, керамика вымско-родановского происхождения встречена на двух памятниках Сургутского Приобья — на городище Ермаково XI (1 горшок) и в одном из погребений Сайгатинского IV (два миниатюрных сосуда) — рис. 1.10, 12, что может свидетельствовать о брачных или торговых связях древних коми с аборигенным населением. Косвенным подтверждением последнему может служить находка бронзовой чаши от весов в могильнике Сайгатинский IV.

Вероятно наличие культурного слоя древних коми и на других городищах-карах в Нижнем Приобье. В частности, материалы с городища Вожпай, собранные ссыльнопереселенцем Р. Д. Редриковым в 1925 г. и опубликованные В. Н. Чернецовым, содержат фрагменты “неорнаментированных, явно неместного происхождения сосудов с крутым отогнутым наружу венчиком”⁵⁰. Описание этой керамики очень подходит перегребненскому вымскому комплексу, где есть и неорнаментированная керамика, а резко отогнутый венчик — специфическая деталь основной массы вымских и родановских сосудов. Здесь же был найден и тонкостенный тигель “болгарского типа”, аналогичный вымско-родановским тиглям.

Следует отметить, что местные ханты городище называют Лангевож, что, несомненно, является калькой коми названия Уркар: то и другое означает “Беличий город” (у древних пермян слово “ур” означало еще и “деньги”). Где-то в этом районе Оби и находился Уркар, упоминавшийся в Книге Большому Чертежу⁵¹ и известный как торговый центр в XVI—XVII вв.

⁴⁷ См.: Савельева Э. А. Вымские могильники XI—XIV вв. С. 58 (рис. 14—9).

⁴⁸ См.: Талицкий М. В. Верхнее Прикамье... Рис. 19—11. С. 55.

⁴⁹ См.: Грибова Л. С. Декоративно-прикладное... С. 16—162 (табл. XXI).

⁵⁰ См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. МИА. № 58. М., 1957 С. 197—198.

⁵¹ См.: Абрамов Н. А. Описание Березовского края... С. 371.

Возможно, вымские материалы будут обнаружены и в бассейне Северной Сосьвы, по которой проходил один из основных путей с Вычегды и Печоры на Обь. Этот путь был открыт предками коми, вероятно, не позднее начала II тыс. н. э., т. к. именно вычегодские пермяне были проводниками новгородских отрядов за Урал уже в XII в. По нему же, видимо, продвигались и древние коми, следы которых обнаружены на Оби. Было бы странным, если бы переселенцы не оседали по пути на Обь на берегах Ляпина и Северной Сосьвы, как это они сделали в XIX в. Кроме того, здесь же с незапамятных времен проходили за Урал в поисках пушного зверя охотничьи артели. И в XIX в. коми охотничьи артели ходили на Северную Сосьву по тропам под названием Низ пас (соболиная метка) и Васька пас⁵².

Одним из городищ, где могут быть встречены материалы древних коми, является городище Мань-Нясан-Тур близ поселка Саранпауль (р. Ляпин, приток Северной Сосьвы). Здесь В. Н. Чернецовым было раскопано жилище XI—XII в., в котором, как и на Вож-пае, были найдены мелкие фрагменты неорнаментированных керамических сосудов неместного происхождения, т. е. не похожие на керамику нижеобской культуры. В. Н. Чернецов не очень уверенно предположил, что один из горшков — русский, т. к. тот имел плоское дно. Кроме упомянутой керамики, в жилище были найдены “ключ болгарского типа с крестообразной прорезью”, какие “широко распространены в Прикамье”, обломки ножей, тигель и деталь оленьей упряжки⁵³ — набор, удивительно напоминающий материалы Перегребного и Шеркалов. Отсутствие местной керамики при наличии посуды, похожей по описанию на вымскую, дает основание предположить принадлежность материалов с Мань-Нясан-Тура древним коми, что, конечно, требует дополнительных полевых исследований. Масштабы ранних переселенческих потоков (до конца XVI в.), роль коми переселенцев в жизни Северо-Западной Сибири и ряд других вопросов могут проясниться в результате дальнейших исследований городищ-каров Северного Приобья.

Интересно, что в фольклоре обских угров, кроме большеатлымского предания, сохранились представления о коми переселенцах как одном из компонентов обширного обско-угорского массива. Собиратель фольклора северных манси П. И. Шишкин считал, что манси и ханты произошли от Мось-нэ, Пор-нэ и Мис-махум. Последнее название он перевел как “коровьи люди.” Мис-махум пришли на Обь с Печоры и Северной Двины. “Это были русые и рыжие, черноволосые люди с бородами, серыми, карими и черными глазами”, занимавшиеся скотоводством и земледелием, а на севере — оленеводством. Они походили на Мось-нэ, но отличались от них языком. Мис-махум занимались торговлей: ходили торговать на Нижнюю Волгу, где были “царские города”, и привозили на Обь шелк, шлемы, щиты и стрелы⁵⁴.

⁵² См.: *Конаков Н. Д.* Коми охотники // Из жизни древних коми. Сыктывкар, 1985. С. 76 (рис. 4).

⁵³ *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье... С. 230.

⁵⁴ См.: *Соколова З. П.* К происхождению обских угров и их фратрий: (По данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири... С. 126—128.

В этом предании можно легко узнать обитателей городищ-каров, для материальной культуры которых характерно скотоводство и оленеводство. Находки на городищах булгарских серебряных украшений, керамики специфического булгарского облика и железных замков булгарских типов подтверждают торговые связи древних коми с Волжской Булгарией. По мнению М. В. Талицкого, посредническая роль древних коми в торговле с Югрой документируется сведениями из арабских источников, восходящих к X в. М. В. Талицкий достаточно убедительно доказывает, что народ ису (вису) арабских рукописей, привозивший от Юры (Югры) ценную пушнину, — это предки коми-пермяков⁵⁵.

В настоящее время нет оснований считать, что реальные коми сохранились в Нижнем Приобье как этнос до конца XVI в. Правда, русские источники начала XVII в. упоминают о каких-то “зырянских городах”, обнаруженных в нижеобской тайге служилыми людьми⁵⁶, но это была скорее всего новая волна коми переселенцев или охотничьи зимовья. Отсутствие в Северо-Западной Сибири археологических памятников XIV—XVI вв., которые могли бы связываться с культурой коми, предания хантов и манси, приведенные выше, свидетельствуют о том, что мигранты, попавшие, на Обь в XII—XIII вв., вскоре были ассимилированы преобладающим местным населением.

На наш взгляд, ассимиляции древних коми предшествовала ликвидация этнодифференцирующих барьеров между ними и аборигенным населением. Постепенное стирание этнокультурных различий происходило в условиях чересполосного или совместного проживания мигрантов и местного населения, а близость языческих религий способствовала их общению в духовной сфере, позволяла вступать в брачные связи. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить женитьбу легендарного вождя древних коми Кудым-оша на дочери югорского князя Асыки⁵⁷ или летописные сведения о совместном походе непокорного язычника Пама-сотника с “вогуличами” на Усть-Вымский городок.

Полная ассимиляция небольших этнических групп в иноэтническом окружении, включая смену языка, обычаев и самосознания, — достаточно частое явление в среде аборигенов Северо-Западной Сибири. Известны случаи, когда в течение трех поколений менялась этническая принадлежность таких групп⁵⁸.

⁵⁵ См.: Талицкий М. В. Верхнее Прикамье... С. 76—79.

⁵⁶ См., например: Жеребцов И. Л. На восток... С. 50.

⁵⁷ См.: Микушев А. К. Коми народный эпос // Коми народный эпос. М., 1987. С. 51—52.

⁵⁸ См.: Источники по этнографии Западной Сибири / Томский гос. ун-т. Томск, 1987. С. 159, 197, 206, 231, 266, 268.